

Сергей Васильевич Максимов

Нечистая сила

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37.032
ББК 51.204.0
С32

С32 **Сергей Васильевич Максимов**
Нечистая сила / Сергей Васильевич Максимов – М.: Книга по Требованию,
2012. – 106 с.

ISBN 978-5-458-03480-7

В книге писателя и этнографа XIX в. С.В.Максимова рассказывается о деревенских колдунах и ведьмах, о русских народных обычаях, обрядах, поверьях и приметах, связанных с праздниками христианского календаря Рождеством, Масленицей, Пасхой, Троицей и др. Книга основывается на материалах, записанных исследователями народной культуры и быта в деревнях и селах в конце XIX в.

ISBN 978-5-458-03480-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

І ЧЕРТИ-ДЬЯВОЛЫ (Бесы)

В народном сознании глубоко укоренилось верование, что сонмы злых духов неисчислимы. Очень мало на божьем свете таких заповедных святых мест, в которые они не дерзали бы проникать; даже православные храмы не освобождены от их дерзких нашествий. Эти бесплотные существа, олицетворяющие собой самое зло, — исконные враги человеческого рода; они не только наполняют безвоздушное пространство, окружающее вселенную, не только проникают в жилища, делая многие из них необитаемыми,¹ но даже вселяются в людей, преследуя их беспрестанными искушениями.

Насколько многочисленны эти незримые людские ненавистники, можно судить по богатству самых разнообразных прозвищ этой нежити, лукавой и нечистой силы. Более чем к сорока именам черта, насчитанным В. И. Далем (в его Толковом словаре великорусского языка), еще следует присоединить тот десяток духов, которым присвоены особенные имена и предназначены определенные места для пребывания, и сверх того перечислить те прозвища, которые вращаются в живом народном языке, но еще не подслушаны и не уловлены*. Повсеместное пребывание чертей и их свободное проникновение повсюду доказывается, между прочим, существованием общих верований и обычаяев, усвоенных на всем пространстве великой православной Руси. Так, например, в деревенских избах почти невозможно найти таких сосудов для питьевой воды, которые не были бы покрыты, если не дощатой крышкой или тряпицей, то, в крайнем случае, хоть двумя лучинками,ложенными «крест на крест, чтобы черт не влез». Равным образом, среди русского простонародья нелегко натолкнуться на такого рассеянного или забывчивого человека, который, зевнув, не перекрестил бы своего рта, чтобы святым знамением заградить туда вход нечистому духу. То же самое, с произнесением слов «свят, свят, свят», исполняется и во время грозы при каждом раскате грома, так как черт боится молнии и прячется за спину людей, чтобы Господь не поразил его. Эти обычай и приемы, может быть, столь же древние, как само христианство на Руси, поддерживались потом более позднейшими, но столь же почтенной старины, народными легендами.²

Обратимся к описанию многоразличных коварств и разнообразнейших похождений этих духов дьявольской породы, не ограниченных в своей деятельности указаниями явно определенного места (как дома, леса, воды и пр.) и точно обозначенного времени.

1. ДОМА

Хотя чертям для их похождений и отведена, по народному представлению, вся поднебесная, тем не менее, и у них имеются излюбленные места для постоянного или особенно частого пребывания. Охотнее всего они населяют те трущобы, где дремучие леса разряжаются сплошными полосами недоступных болот, на которые никогда не ступала человеческая нога, и лишь осторожно шагают длинноногие болотные птицы. Здесь на трясинах или заглохших и заросших озерах, где еще сохраняются пласти земли, сцепленные корнями водорослей, человеческая нога быстро тонет, а неосторожного охотника и дерзкого путника засасывает вглубь подземная сила и прикрывает сырым и холодным пластом, как

гробовой доской. Тут ли не водиться злой дьявольской силе и как не считать чертям такие мочаги, топи, ходуны-трясины и крепи-заросли благоприятными и роскошными местами для надежного и удобного жительства?³

— Отчего ты, черт, сидишь всегда в болоте? — спрашивает, обездоленный болотистой и мокрой родиной, белорус своего рогатого и хвостатого черта.

— Привык! — коротко и ясно отвечает тот, и отвечает как за себя лично, так и за других, столь же неохотно переменяющих старое и насиженное место жительства на неизвестное, хотя бы и лучшее, новое.

— В тихом болоте черти водятся, — неизменно верят великороссы.

— Было бы болото (подкрепляют они, с другой стороны), а черти будут.

— Не ходи при болоте: черт уши обколотит, — доброжелательно советует третья из множества и столь же распространенная пословица.⁴

— И вылез бы черт из болота, и пошел бы в деревню к мужику на свадьбу, да попа боится, — выдают за истинно проверенное наблюдение.

Болотные черти живут семьями: имеют жен, плодятся и множатся, сохраняя свой род на бесконечные времена. С их детьми, бойкими и шустрыми чертятами (хохликами), такими же черными (в отличие от немецких красненьких),⁵ мохнатыми и в шерсти, с двумя острыми рогами на макушке. головы и длинным хвостом, не только встречались деревенские русские люди, но и входили с ними в разнообразные сношения. Образчики и доказательства тому в достаточном количестве разбросаны в народных сказках и, между прочим, в известной всем пушкинской сказке о работнике Балде. Один солдат, строгих николаевских времен, проносил чертена в тавлинке целый год со днем. Некоторые уверяют, что черти — востроголовые, как птицы сычи, а многие, сверх того, уверены, что эти духи непременно хромые. Они сломали себе ноги еще до сотворения человека, во время сокрушительного падения всего сонма бесов с неба.⁶ Так как на землю было свержено нечистой силы очень много, то она, во избежание вражды и ссор, очертила свои владения кругом. Этот круг возымел особое действие и силу: всякий попавший в него и переступивший след нечистого, обязательно блуждает и без помощи особых средств из него не выйдет и не избавится от дьявольского наваждения.

Когда народная фантазия наделила чертей многими человеческими свойствами, последовательность воображения потребовала изобретения дальнейших сходств и уподоблений. Бессспорно решено, что эти духи подвержены многим людским привычкам и даже слабостям: любятходить в гости друг к другу, не прочь попирать с развалом. На своих любимых местах (перекрестках и росстанях дорог) черти шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске подымают пыль столбом, производя то, что мы называем вихрями. При этом люди, бросавшие в такие пыльные столбы ножи или топоры, удачно разгоняли свадьбу, но на том месте находили всегда следы крови и, после того, какая-нибудь слывущая ведьмой колдунья долго ходила либо с обвязанным лицом, либо с подвязанной рукой. На пирах, устраиваемых по случаю особенных побед над людьми, равно как и на собственных свадьбах, старые и молодые черти охотно пьют вино и напиваются; а сверх того любят курить табак, получаемый в дар от догадливых и трусливых людей.⁷ Самое же любимое занятие, превратившееся у чертей в неутолимую страсть, это — игра в карты и кости. В игре для чертей нет удержку и не установлено законов: проигрывают все, что есть за душой

(а душа им полагается настоящая, почти такая же, как у людей). Впрочем, если пойдет дело на полную откровенность, то окажется, что дьявольская сила виновна в изобретении и самого вина и табачного зелья, да и нечистая игра в карты с передержкой и подтасовкой отнесена прямо к бесовским же вымыслам и науке. Конечно, все эти наветы требуют тщательной проверки ввиду того, что уже слишком во многом обвиняют чертей, например, даже в изобретении таких злаков, как чай и картофель, — не далее начала прошлого столетия вошедших во всеобщее употребление. В последнем случае оказывается явный поклеп; первое же обвинение — в изобретении вина и табачного зелья — затемняется противоречивыми показаниями. Очевидно, свидетели, недостаточно уверенные в самом факте, стремятся лишь настойчиво навязать то, в чем сами не вполне убеждены и еще колеблются. Так, например, вологжане думают, что предков их выучил варить веселое пойло какой-то странник в благодарность за то, что один добрый мужик приютил его: посадил за стол, порезал несколько ломтей хлеба, поставил солонку с солью, жбан с квасом. Вдвоем они открыли несколько кабаков, и потянулся туда народ бесчисленными толпами. Во Владимирской губ. черт (также в виде странника, в лаптях, в кафтане и с котомкой за плечами), поведал тайну варить пиво встречному бедняге, который выплакал ему свое житейское горе и разжалобил его. Счастливый мужичок впоследствии похвастался своим умением царю, а неизвестный царь велел варить во всем государстве это самое пиво, которое теперь прозывают вином. У смоляков черт со своим винокуренным мастерством нанялся в работники и научил доброго хозяина гнать водку, как раз накануне свадьбы дочери, и т. д.

В рассказах о происхождении табака еще больше разногласий: то он вырос из могилы кровосмесителей (сестры и брата), то из головы евангельской блудницы (Вятск. губ.), то из тела свихнувшейся чернички, убитой громом (Пенз. губ.), то, наконец, из могилы какого-то неведомого человека (Симб. губ.). У вологжан есть поверие, что разводить табак выучил встреченного в лесу помещика неизвестный черный охотник, и т. д.

В подобных догадках и розысках дошли досужие люди до забавного и веселого. Раз у черта (рассказывают мещовские калужане) померла теща, и захотел он ее помянуть получше. Собрал он всех грешников по этой части, т. е. курильщиков и нюхальщиков. Вот куритель курит-курит да сплюнет. Черт увидал это и велел всех курильщиков прогнать: они теще его все глаза заплевали. А нюхальщиков всех оставил: они понюхают, и их прошибет слеза — значит, и хорошо для поминок-то чертовой тещи. У тех же калужан, придерживающихся старой веры (в Мещовском уезде), сложилась насмешливая поговорка: «наша троица в табаке роется» (намек на то, что нюхальщики роются в табакерках тремя пальцами, и как раз теми, которые слагаются для крестного знамения).

2. В ЛЮДЯХ

Все прямые отношения нечистой силы к человеческому роду сводятся к тому, что черти либо проказят, прибегая к различным шуткам, которые у них, сообразно их природе, бывают всегда злы, либо наносят прямое зло в различных его формах и, между прочим, в виде болезней. Словом — черти устраивают против людей всякие козни и исполняют главное свое назначение, состоящее в многообразных искушениях. Для облегчения своей деятельности, во всех ее направле-

ниях, дьявольская сила одарена способностью превращений, т. е. черти могут совершенно произвольно сменять свою подозрительную и страшную бесовскую шкурку, принимая личину, сходную с людскою, и вообще принимая формы, более знакомые и привычные для человеческого глаза.

Превращения.

Переверты всякого рода и разновидные перекидыши производятся чертами с такой быстротою и внезапной стремительностью, какой не в силах представить себе людское воображение: последовательно проследить быстроту этих превращений не может самый зоркий глаз.

Всего чаще черти принимают образ черной кошки, почему, во время грозы, догадливые деревенские хозяева всегда выбрасывают животных этой масти за дверь и на улицу, считая, что в них присутствует нечистый дух (отсюда выражение, что при ссоре пробегает между людьми черная кошка). Не менее того черти облюбовали образ черной собаки, живых людей (при случае, даже малого ребенка) и великанов огромного роста, вровень с высочайшими соснами и дубами. Если задумает черт выйти из своего болота в человеческом образе и явиться, например, бабе в виде вернувшегося из отлучки мужа, то он представляется всегда скучающим и ласковым. Если же встречается он на дороге, обернувшись кумом или сватом, то является непременно пьяным и готовым снова выпить, да сделает так, чтобы сват очутился потом либо на краю глубокого оврага, либо в колодце, в помойной яме, либо у дальнего соседа и даже на сучке высокого дерева с еловой шишкой в руке вместо рюмки вина.

Остальные превращения идут в последовательном порядке. Черти оборачиваются в свинью, лошадь, змею, волка, зайца, белку, мышь, лягушку, рыбу (предпочтительно щуку), в сороку (из птичьего рода это любимый образ) и разных других птиц и животных. Из последних, между прочим, в неизвестных, неопределенного и страшного вида.⁸ Перевертываются даже в клубки ниток, в вороха сена, в камни и пр. Вообще черти принимают самые разнообразные формы, какие только способно допустить пылкое людское воображение, однако же не без некоторого ограничительного законного предела. Такой предел существует и упорно оберегается: не всегда, напр., решаются черти представляться коровой, самым дорогим и полезным домашним животным, да подобному перевертышу и самая глупая баба не поверит. Не дерзают злые духи прикидываться петухами — вестниками приближения светлого дня, который столь ненавистен всякой злой силе, и голубями — самой чистой и невинной птицей в целом мире, памятуя, Кто удостаивал принимать на себя образ этих милых и ласковых воркунов из царства пернатых. Точно так же никто не видел злой нежити в ослиной шкуре, так как всей их нечистой породе, со времен явлений Христа на землю, стало известным, что сам Господь благоволил избрать осла, для своего победоносного шествия во святой град, к прославлению своего божественного имени и учения.

Какой бы образ ни принял на себя дьявол, его всегда выдает сиплый, очень громкий, голос с примесью устрашающих и зловещих звуков («дух со страху захватывает»). Иногда он каркает черным вороном или стрекочет проклятой сорокой. По черному цвету шерсти животных и птичьих перьев, тоже распознается присутствие хитрых бесов, и притом именно бесов, потому что, напр.,



колдуны и ведьмы, в отличие от чертей, бывают перевертышами исключительно белых и серых цветов. Зато при всяком превращении черти-дьяволы так искусно прячут свои острые рожки и подгибают и свертывают длинный хвост, что нет никаких сил уличить их в обмане и остеречься их.

Искушения.

Смущать человеческий род соблазном и завлекать лукавством — прямая цель дьявольского пребывания на земле. Причем люди искушаются по прямому предписанию из преисподней и по особому выбору самого князя тьмы или сатаны. Стараются совращать с пути блага и истины те наиболее искусные черти, у которых наука искушений доведена до высокой степени совершенства в течение бесчисленного ряда лет неустанной и неослабной работы.

Искуситель всегда налицо: зазвенело в левом ухе — это он летел сдавать сатане грехи того человека, сделанные за день, и вот теперь прилетел назад, чтобы снова стать на страже и выжидать случая и повода к соблазнам. Искуситель, по народному представлению, неизбежно находится у человека с левого бока и шепчет ему в левое ухо о таких злых деяниях, какие самому человеку и в ум не пришли бы без коварных наветов черта. «Черт попутал», — уверено и обычно говорят все, испытавшие неудачу в начинаниях, а еще чаще те, которые нежданно впали в прегрешение. Могут попутать свои грехи, могут попутать недобрые люди, но, по народным понятиям, и в том, и другом случае действуют колдуны, ведьмы и злые духи кромешного ада. Для последних личный прямой расчет заключается не в том, чтобы связываться, напр., с ворами и разбойниками — людьми уже испорченными, а главным образом в том, чтобы увиваться около хороших людей, испытанной твердости правил и добрых нравов. Во всех таких случаях бесы работают с полной уверенностью в победе и с верой в свою великую силу: «черт горами качает» — говорится испокон века. Вот несколько народных рассказов, характеризующих власть чертей над человеком.

Жил в деревне парень хороший, одинокий, и в полном достатке: лошадей имел всегда штуки по четыре; богомольный был — и жить бы ему да радоваться. Но вдруг ни с того, ни с сего начал он пьяниваться, а потом, через неделю после того, свою деревню поджег. Мужики поймали его на месте: и спички из руки еще не успел выбросить. Связали его крепко, наладились вести в волость. На задах поджигатель остановился, стал с народом прощаться, поклонился в землю и заголосил:

— Простите меня, православные! И сам не ведаю, как такой грех прилучился, — и один ли я поджигал, или кто помогал и подговаривал — сказать не могу. Помню одно, что кто-то мне сунул в руки зажженную спичку. Я думал, что дает прикурить цигарку, а он взял мою руку и подвел с огнем под чужую крышу. И то был незнакомый человек, весь черный. Я отдернул руку, а крыша уже загорелась. Я хотел было спокояться, а он шепнул: «Побежим от них!» Кто-то догнал меня, ткнул в шею, свалил с ног — вот и связали. Оглянулся — половина деревни горит. Простите, православные!

Стонет на коленях бледный, тоскливо на всех глядит и голосом жалобно молит; слезами своими иных в слезы вогнал. Кто-то вымолвил:

— Глядите на него: такие ли бывают лиходей?

— Видимое дело: черт попутал.

— Черт попутал парня! — так все и заголосили. Судили-рядили, и порешили всем миром его простить. Да старшина настрашал: всей-де деревней за него отвечать придется. Сослали его на поселенье. Где же теперь разыскать того, кто толкал его под руку и шептал ему в ухо? Разве сам по себе, ведомый парень-смиренна, на такое недобродое дело решился бы?

Один молодец с малых лет приобщен к водке, да так, что когда стал хозяином и некого было бояться, пропил все на смех людям, на пущее горе жены и детей. Насмешки и ругань не давали ему прохода.

— Дай-ка я удавлюсь, опростаю руки. Некому будет и голосить, а еще все будут рады! — подумал молодец про себя, а вскоре и всем стал об этом рассказывать.

Один старичок к его речам прислушался и посоветовал:

— Ты вот что, друг, когда пойдешь давиться или заливаться (топиться), то скажи: душу свою отдаю Богу, а тело черту. — Пущай тогда нечистая сила владеет твоим телом!

Распростился мужик со своими, захватил вожжи и пошел в лес. А там все так и случилось, как быть надо. Явились два черта, подхватили под руки и повели к громадной осине. А около осины собралось великое сорище всякой нечисти: были и колдуны, и ведьмы, и утопленники, и удавленники. Кругом стоят трясущие осины, и на каждой сидят по человеку, и все манят.

— Идите поскорее: мы вас давно ожидаем!

Одна осина и макушку свою наклонила — приглашает. Увидали черти нового товарища, заплясали и запели на радостях кинулись навстречу, приняли из рук вожжи, захлестнули за крепкий сук — наладили петлю. Двое растопырили ее и держат наготове, третий ухватил за ноги и подсадил головою прямо к узлу. Тут мужик вспомнил старика, и выговорил, что тот ему велел.

— Ишь, велико дело твое мясо, — закричали все черти. — Что мы с ним будем делать? Нам душа нужна, а не тело вонючее.

С этими словами выхватили его из петли и швырнули в сторону.

В деревне потом объяснял ему тот же старик:

— Пошла бы твоя кожа им на бумагу. Пишут они на той бумаге договоры тех, что продают чертям свои души, и подписывают своей кровью, выпущенной из надреза на правом мизинце.

Так как во всякого человека, которого бьет хмелевик (страдает запоем), непременно вселяется черт, то и владеет он запойным в полную силу: являясь в человеческом виде, манит его то в лес, то в омут. А так как бес выбирает себе место прямо в сердце, то и не бывает тому несчастному нигде покоя и места от страшной тоски. Пока догадаются исцелить такого человека единственным надежным средством — «отчитыванием», т. е. пока не прочитают над ним всей псалтыри три раза, — коварный враг человеческого рода не перестанет смущать его и производить свои козни.

Овдовела, например, одна баба, да и затужила по мужу: начала уходить из избы и по задворкам скрываться. Если она, склонив голову на руки, сидит на людях, то кажется, что она совсем одеревенела — хоть топором ее секи. Стали домашние присматривать за ней из опасения, как бы она руки на себя не наложила, но не углядели: бросилась баба вниз головой в глубокий колодец. Там и нашли окоченелый и посинелый труп ее. Добрые люди ее не обвинили, а пожа-

лели:

— Черт смутил, скоро поспел, в сруб пихнул: где слабой бабе бороться с ним?

Благочестивые же, строгие люди, положив за грешную душеньку крестное знаменье, не преминули открыто выговорить, в суд и в осуждение самоубийцы, заветную мысль:

— Коли сам человек наложил на себя руки — значит, он «черту баран».⁹

«Черту баран» в равной мере и тот, кто прибегает к насильтственной смерти, и тот, кто совершает поджог, убийство по злой воле (по внушению дьявола), и те, которые попадают в несчастье от неравновесия душевных сил переходного возраста. Все душевнобольные и ненормальные суть люди порченые, волею которых управляет нечистая сила, кем-либо напущенная и зачастую наталкивающая на злодеяние — себе на потеху. Тешат эти люди черта — делают из себя для него «барана» — в тех случаях, когда вздумает бес прокатиться, погулять, потешить себя, а то и просто возить на них воду, как на существах совершенно безответных, беззащитных, подобно овцам, и вполне подчиненных. Для того-то, собственно, и выбрано это самое кроткое безответственное животное. Оно же у бесов любимое, в противоположность козлу, которого черти боятся от самого сотворения мира (вот почему держат до сих пор козлов на конюшнях). Кроме того, на самоубийцах на том свете сам сатана разъезжает таким образом, что запрягает одних вместо лошадей, других сажает за кучера править, а сам садится на главном месте вразвалку, понукает и подхлестывает. По временам заезжает он на них в кузницы и там подковывает бараны копыта подобно лошадиным. Когда же сатана сидит на своем троне в преисподней, то всегда держит на коленях Иуду, христопродаца и самоубийцу, с кошельком в руках, из которого всем бесам отпускаются деньги на разные расходы по делу соблазнов и взысканий за содеянное грешными людьми. В таком виде сатану и на иконах пишут, и на тех картинах Страшного Суда, которые обычно малуются на западных стенах православных храмов. А чтобы вернее и удобнее попали во власть нечистой силы все утопленники и удавленники, — их стараются похоронить там, где они совершали над собой тяжкий грех самоубийства, причем погребают этих несчастных под голой насыпью, совсем без креста и вне кладбищенской ограды.

Проказы чертей.

Первыми жертвами при забавах нечистой силы являются обыкновенно пьяные люди: то черти сбывают с дороги подвыпивших крестьян, возвращающихся домой с храмового праздника из соседних деревень, то, под видом кума или свата, вызовутся на такой раз в провожатые. Ведут видимо по знакомым местам, а на самом деле, смотришь, человек очутился либо на краю обрыва горы, либо над прорубью, либо над водою, на свае мельничной запруды, и т. п. Одного пьяного мужика посадил дьявол в колодец, но как и когда — несчастный человек не мог сообразить и припомнить: был на игрище, вышел на крыльце прохладиться, да и пропал. Стали искать и услыхали крик в колодце. Вынули и узнали следующее: — Позвал сват пить чай да пиво. Выпил чашку пива и увидел, что не у свата я в гостях, а в колодце, да и не пиво пью, а холодную воду. И не стаканчиком ее пью, а прямо взахлебку.

Однако, наряду с этими злыми шутками, черти, по воззрениям народа, сплошь и рядом, принимают пьяных под свое покровительство и оказывают им разнооб-

разные услуги. На первый взгляд, в таком поведении чертей можно усмотреть как будто некоторое противоречие. В самом деле: черт, злая сила, представитель злого начала, и вдруг, оказывает людям добрые услуги. Но на самом деле противоречия здесь нет: каждый пьяный есть прежде всего слуга черта — своей греховной страстью к вину он «тешит беса», и потому черту просто нет расчета причинять своим верным слугам какое-нибудь непоправимое зло, — напротив, есть расчет оказывать им помощь. Сверх того, никто другой, как именно черт наталкивает на пьянство, наводит на людей ту болезнь, которая зовется хмелевиком, или запоем: он, следовательно, в вине, он и в ответе. Не наказанием же считать его заботы о пьяных и его хлопоты около тех, которые прямо лезут в огонь или воду, и не карает же он, в самом деле, если забавляется с охмелевшим человеком и шутит шутки, хотя бы даже и злые (что ему и к лицу, и по праву). Привел пьяного к куму в гости — велел раздеваться; захотелось пьяному пить — указал на целый ушат с пивом: пей да зубы не разбей, — долго оно на дворе стояло, замерзло. Раздевшись, испытуемый стал разуваться, озяб. Осмотрелся и видит, что сидит на сломанном пне и босая нога стоит в снегу, а вдали огонек светит. Увидел его, схватился бежать, и бежал, как угорелый. На горе по обрыву последний сапог потерял; у окна свата стучал и кричал: «Замерзаю, пустите!» — И представал разутым, раздетым, без шапки. Сват с досады спрашивает: «Где тебя черт носил?» — Отвечает с уверенностью и твердым голосом: «Он-то меня и носил!» И в самом деле: на откосе валеный сапог нашли, шапку, и полушибок сняли с сучка в лесу, а рукавицы валялись подле проруби на реке, из которой угощал давешний кум холодным пивом.

Черт любит, говорят, пьяных по той причине, что таких людей ему легче наталкивать на всякий грех, внушать дурные мысли, подсказывать черные и срамные слова (очень часто хлесткие и остроумные), наталкивать на драку и на всякие такие поступки, для которых у всех, за неимением верного, есть одно дешевое и вечное оправдание: «черт попутал».

— По пьяному делу мало-ль чего не бывает, — толкуют опытные люди, — напустит «он» жуть (страх), либо тоску, так и незнамо что представится. Со страху да тоски руки на себя наложишь, а он и рад: начнет под бока подталкивать, на ухо нашептывать. Ты только петлю накинь, а он под руку подтолкнет — и затянет. Затем они и на землю являются, чтобы ввести человека в грех, или настичь какой-либо вред.

Трезвые и степенные люди возводят на бесовскую силу немало и других поклепов и обвиняют ее в самых разнообразных злодействиях и даже в посягательствах на человеческую жизнь. Так, напр., во время грозы бес, преследуемый стрелами молний, прячется за человека, подвергая его опасности. Поражая беса, Илья-пророк или Михаил Архангел могут убить и невинного. Вот почему во время грозы надо креститься. Надо поступать подобным же образом перед едою и питьем, помня, что нечистая сила любит проказить, осквернить неосвященные сосуды чем ни попало. Это (по свидетельству житий), между прочим, любимые шалости чертей, к каковым они также прибегают для соблазнов.

Похищают детей.

Вращается часто в деревенском быту ругательное слово «оммен» (т. е. обмен, обме-ныш), основанное на твердом веровании в то, что дьявол подменяет своими